Правда, он мог просто убить его сейчас за его прошлые действия. Никто не мог бы обвинить его в этом, но это все равно казалось пустым. Он был готов нейтрализовать угрозу, и, судя по всему, так оно и было. Наруто также нащупал метку Хирайшина, которую его отец поставил на человеке, и она все еще была там. Нащупав метку, он уже не забывал о ней, и на этот раз Обито не получил бы обычного Расенгана в спину.

- Почему? - спросил Наруто. Он не знал, поможет ли ему узнать оправдания этого человека, но столько боли и страданий, он просто должен был знать.

- Простой ответ - девушка, - ответил Обито.

- Если ты обрушил на эту деревню дождь разрушений, потому что не смог найти себе пару, я убью тебя. - Похоже, он все-таки смог найти мотивацию.

Обито поднял руки в издевательской капитуляции:

- Стоп, стоп, стоп. Я не обращал внимания на то, что многие могут подумать. Это был один из моих генинов, вместе с Какаши.

- Ты был одним из учеников моего отца? - удивленно спросил Наруто. Он не знал этого.

- Да. Рин, моя подруга по команде, была не просто девчонкой, на которую я запал. В моем детстве Учиха были не самым популярным кланом, и даже среди Учих я считался чудаком и неудачником. Я рано узнал, что жизнь может быть безрассудно жестокой.

- Знаешь что, просто подставь кулак, так будет быстрее, - предложил Наруто, когда его окутал плащ чакры Курамы. Двое мужчин столкнулись кулаками, и Наруто увидел все это. Детство Обито, его привязанность и дружба с Рин и соперничество с Какаши. Он видел, как сильно Учиха уважал его отца и как тот помогал ему справиться с разочарованием от пребывания в тени Какаши. Он увидел катастрофическую миссию и ее последствия. Он видел, как настоящий Мадара играет в игры с головой, и наблюдал, как Рин приносит себя в жертву.

Эмоции от того, что мир трещит по швам, были не из тех, с которыми он мог легко соотнестись. Она была всеобъемлющей и бесконечной. Наруто наблюдал, как настоящий Мадара взял сломленного мальчика и исказил его, разрушив или извратив все, во что верил Обито. Он видел, как мальчик стал юношей, отказавшись от этого мира как от бессмысленного. Он видел роковую ночь, когда Учиха неосознанно сразился с учеником, и все последующие годы. Смена Акацуки, разрушения, причиненные Кири. Это была история несчастий и насилия, после которой почти всем стало еще хуже. Когда связь прервалась, Наруто отключил режим чакры и собрался с мыслями.

- Она придала всему этому смысл.

- Да. Я верил, что мир может быть хорошим, потому что она существовала в нем. Мадара склонил меня к своей цели так тщательно, что мне и в голову не приходила мысль о том, что то, что я делаю, бесчестит ее. Этот мир не был реальным, поэтому все это не имело значения, - объяснил Обито. - Именно Орочимару помогла мне понять, что Мадара, скорее всего, подстроил так, чтобы я увидел смерть Рин, зная, что это заставит меня отказаться от всего.

Наруто сидел молча, обдумывая эту новую информацию. Обито был одиноким ребенком, который просто хотел признания, и это было невероятно знакомое чувство. Узумаки не мог игнорировать то, как молодой человек, еще ребенок, был сломлен и манипулирован одним из величайших ниндзя, когда-либо живших на свете. Он думал, что помогает людям, а на самом деле никогда не испытал того, что испытал он. Наруто не мог сравниться с ним по степени отчаяния, но он знал, как тяжело ему было, когда он узнал о смерти Хинаты, а ведь они были больше, чем просто друзьями, уже много лет.

Боль порождает боль. Он видел это на примере Обито, и даже если она никогда не признается в этом, Орочи-тян попала в этот круг. Джирайя не ошибался, говоря о цикле ненависти. Месть, тщетное желание выровнять несуществующее космическое равновесие, когда кто-то причиняет тебе боль. Наруто никогда не считал себя мстительным, но это было до того, как ему пришлось столкнуться с самим собой, со своей давно похороненной ненавистью. Несколько разных ситуаций, и он стал бы тем, кем был Обито - человеком, имеющим оправдание для причинения вреда другим и разрешение никогда не чувствовать себя виноватым за это.

- И что теперь? - спросил он.

Обито, похоже, был удивлен вопросом, если по расширеным глазам можно было судить об этом.

- Честно говоря, я не знаю. Я полагал, что ты убьешь меня без раздумий за то, что я тебе сделал.

- Убийство не вернуло бы моих родителей и не подарило бы мне счастливое детство. Это не значит, что я прощаю тебя или что-то в этом роде, но твоя смерть ничего для меня не значит. И я не знаю, есть ли для тебя искупление.

- Нет. Все, что я сделал... этого уже не вернуть. Я принимаю это. Ирония в том, что я так стремился увидеть Рин снова в этом мире, что был уверен, что не увижу в следующем. Ни одна пытка не причиняет больше боли, чем эта.

Наруто хотел сказать Обито, что тот был неправ, если не ради Учихи, то ради него самого. Он хотел верить, что есть шанс искупить вину, загладить свою вину, пока ты жив. Но это желание противоречило обидам его прошлого. Он не простил жителей деревни, не простил Старика, и даже с этой новой информацией он не был уверен, что сможет по-настоящему простить Обито. Он не испытывал ненависти ни к одной из этих сторон, но до настоящего прощения и принятия было еще далеко. Вопросы, на которые не было легких ответов, вертелись в его голове, пока он отвечал.

- Мне принадлежит заслуга в прекращении восстания в Железной стране. Главный архитектор, Ито Ватанабэ, немного обучал меня, пока я был там. Он часто рассказывал о своей покойной дочери Ретсу. О том, как, когда она была маленькой, она провозглашала, что станет первой женщиной-самураем Железной страны. Он говорил, что она была храброй и упрямой. Она хотела сама выбирать свою судьбу, а не принимать жесткую роль, отведенную ей. Они много спорили по этому поводу, и он оставался непреклонным в своем отказе обучать ее. Он много рассказывал мне о ней, но раскрыл только то, что она умерла в ночь перед его восстанием. Некоторые студенты, которых он выгнал со службы, отплатили ему тем, что изнасиловали и убили ее.

Теперь, даже при обучении, не было гарантии, что она выжила бы, но при отсутствии обучения была уверенность, что она не выживет. Это сломило его, и он практически ушел со своего поста, обучая лишь избранных учеников в частной школе, Мифунэ позволил им пройти тестирование для поступления на официальную службу. Он также стал борцом за более равноправную страну "железа", что поставило его в неравные отношения с Мифунэ. Рассказывая мне о жизни и гибели своей дочери и о том, как он изменил свое мнение, он также признался в огромном чувстве вины. Он спросил, почему он должен был потерять свою дочь, чтобы в конце концов понять ее суть?

На следующий день я сопровождаю внучку Мифунэ, Томоэ, и нас окружают десятки бывших и нынешних учеников Ито. Они спокойно заявляют, что слагают с себя полномочия Мифунэ, а я, как посторонний человек, могу уйти. Подтекст в том, что они собирались убить Томоэ. Отсталая страна. Если они не смогли победить Мифунэ прямо, они собирались пристыдить его, чтобы он совершил ритуальное самоубийство за неспособность защитить свою семью. И вот я стоял перед выбором: позволить принести в жертву одного невинного ради возможности дать свободу и самоопределение бесчисленным другим.

- Я предполагаю, что ты не оставил ее.

- Я убил их всех.

- Но искусство ниндзя объявлено вне закона в Железной стране, даже защищая его внучку, ты был бы арестован.

- Я не использовал никаких искусств ниндзя, только меч. В любом случае, защитив ее, я разыскал Ито, и мы провели дуэль. Что меня поразило, так это его улыбка, даже когда он лежал при смерти. Мне стало интересно, знал ли он о таком исходе, если бы я не был готов пожертвовать одним человеком, то он поставил меня в положение, когда придется пожертвовать многими. Официально я герой, но сколько людей видят во мне лишь еще один инструмент своего угнетения? Если говорить конкретнее, сколько еще будет Ретсу, потому что я вмешался и защитил Томоэ?

- Ты не можешь так думать, - предостерег Обито. - Ты не можешь нести этот груз. Я так и не научился закалять свое сердце, и оно разбилось, когда умерла Рин. Я стал чудовищем.

- Но это все взаимосвязано. Бесконечная паутина действий и последствий. В любом случае, это уже не важно. Для кого-то я герой. Для других, возможно, злодей. Но правда? Гувернантка

Томоэ, превратившаяся в помощника, отравила меня раньше, эффект проявился только после начала боя. Большую часть времени я даже не видел Томоэ, хотя в то время я этого не понимал. Благодаря Кураме, яд не убил меня, но это было неприятно.

Итак, не герой. Не злодей. Я был просто накачанным пятнадцатилетним подростком, который делал все, что мог. И это, наверное, правда для всех нас. Мы не являемся ни лучшими, ни худшими из тех, что когда-либо совершали. Ты можешь считать, что искупление невозможно, и, возможно, так оно и есть. Но разве не стоит попытаться приблизиться к нему как можно ближе? Сделать как можно больше добра, чтобы уравновесить чашу весов? - спросил Наруто, пожав плечами. - Что бы ты ни выбрал, сначала хотя бы поговори с Какаши. Он этого заслуживает. - Обито кивнул, и Наруто встал, чтобы уйти, Орочимару все еще стояла в дверях.

Когда Наруто подошел к выходу, Обито задал вопрос:

- Как ты узнал, что у тебя галлюцинации? Ты сказал, что даже не осознавал этого, так как же ты это понял?

- На следующий день Томоэ пришла попрощаться со мной и Джирайей, ни один из них не хотел оставаться здесь. Когда мы прощались, она спросила меня, действительно ли я в порядке для путешествия. Я заверил ее, что да, но она не поверила, и я спросил почему. Она сказала, что во время боя мои попытки успокоить ее не увенчались успехом, потому что я называл ее именем какой-то другой девушки.

Наруто и Орочимару ушли, настроение было мрачным. Пытаясь разрядить обстановку, Орочи скользила рядом с Наруто и целовала его в щеку. Наруто удивленно спрашивает:

- Что это было?

- Потому что, очевидно, я была той женщиной, о которой ты всегда мог помечтать. Кукуку, мой Наруто-кун такой галантный. Продолжай в том же духе, и однажды я могу упасть в обморок.

Наруто усмехнулся и сказал:

- В тот раз, когда я пытался защитить тебя, я потерпел неудачу и получил по заднице.

- Главное - это мысль, - ответила Орочи.

- Ты ведь не веришь в это, - заметил Наруто, вызвав смех.

- Нет, но звучит неплохо. - Пара снова замолчала, когда они вернулись в ее кабинет. Как только все было запечатано, Орочи провела Наруто в гостиную, и оба сели на диван. - Я знаю, что у тебя могут быть еще вопросы, - начала она.

- Что насчет пары Шаринганов, которые ты прятала? Мне, конечно, легче от того, что ты прорвалась сквозь мое гендзюцу, - сказал Наруто, пощекотав ей бок. Ему было все равно, что они у нее есть.

- Я имплантировала один в себя только на случай, если ты захочешь обновить его. Но не только это, - Орочи сделала паузу. Она не привыкла чувствовать себя неловко, но она должна была признаться себе в этом, ей было важно, что Наруто думает о ней, и хотя она была уверена, что знает, какие границы не пересекать, даже намек на разочарование повлияет на нее сильнее, чем ей хотелось бы. - Если я не тот человек, с которым ты встречался в отравленном состоянии, то, учитывая время, я могу предположить, кто это был, так что давай начнем с этого... Наруто-кун, Хината жива.

http://tl.rulate.ru/book/68651/2012649